

После того, как Цзи Цинъянь проснулся, я спросил его, может ли он забыть все это.

Казалось, что он успокоился в период беспорядка и рутины, выражение его лица стало гораздо более спокойным, но тон по-прежнему был настойчивым.

— Брат Гуань, мы всегда нравились друг другу. Я также знаю, что все еще нравлюсь тебе, но ты считаешь, что нам не стоит быть вместе сейчас. Но что с того, что мы оба альфы? На самом деле есть альфы, которые вместе.

Я тоже думал, что то, что он сказал, было правдой, но настоящая причина была немного в другом.

Мы с его матерью оба знали характер Цинъяня. Цзи Цинъянь, которого в детстве сажали в баночки с лекарствами, почти каждый день воспринимал как день перед концом света. Он всегда делал все, что хотел, даже если бы знал, что сократит свою жизнь, если не найдет омегу, и даже если бы умер молодым, его бы это не слишком волновало.

Так что у нас обоих было молчаливое согласие не говорить ему об этом.

Я тупо уставился на его беззаботное выражение лица и не смог сдержать слез.

Цзи Цинъянь на мгновение растерялся, затем поспешно шагнул вперед, чтобы вытереть мои слезы с испуганным выражением лица... Возможно, потому, что это был первый раз, когда я расплакался перед ним. В конце концов, я всегда производил на него впечатление спокойного, надежного и сильного старшего брата.

Я проливал слезы, потому что Цинъянь был серьезен и дарил мне столько же любви, сколько и я.

Но судьба распорядилась так, что наше совместное существование принесло бы ему вред.

Цзи Цинъянь часто стал навещать меня.

Он только что превратился в альфу, что было равносильно достижению совершеннолетия, и у него быстро наступил период полового созревания. В сочетании с его новообретенной любовью к постели, каждый раз, когда он приходил ко мне, за исключением романтических встреч, мы заканчивали тем, что забирались в постель.

Мы держали язык за зубами. Цзи Цинъянь врал, что играет в баскетбол и посещает внеклассную школу. Я не знаю, где он раздобыл групповую фотографию и квитанцию о сдаче экзамена, чтобы развеять сомнения своей матери. Кроме того, я так и не вернулся, так что она действительно поверила в это.

Симптомы феромонного расстройства у него все еще проявлялись. Похоже, что мои успокаивающие феромоны и секс, чтобы ослабить сексуальное влечение, могли бы оказать некоторое действие, и он был бы почти в порядке на следующий день. Но со временем это случалось все чаще и чаще.

Я также подумывал о том, не сделать ли операцию по смене пола.

Однако альфа-феромоны Цзи Цинъяня были слишком доминирующими, и фальшивый омега никогда не мог сбалансировать свои феромоны так, как это мог бы сделать настоящий.

В его объятиях я часто чувствовал себя безнадежным, виноватым и эгоистичным, думая, что лучше оставить все как есть.

Давай просто умрем вместе.

Семья Гуань была строгой, отношения в семье были простыми. Мои родители относились друг к другу как к гостям. Я долгое время жил самостоятельно, и только Цинъянь мог заставить меня почувствовать себя живым. Если Цинъянь умрет, моя жизнь потеряет смысл.

Точно так же, как Цинъянь не мог смириться с тем, что отпустил меня, я не мог смириться с тем, что оставил его.

Пока Цинъянь давал мне хоть какой-то намек на ответ, я давал ему все, что он захочет, и так было с детства.

Я вообще не мог сказать ему «нет».

Наши тайные любовные отношения продолжались целых пять лет. Цинъянь поступил в колледж. Чтобы избежать подозрений, он намеренно выбрал другой колледж в этом городе, но подальше от моего колледжа, в то время как я учился в аспирантуре своего колледжа.

Но, вопреки ожиданиям, его мать все же узнала о наших делах.

Она внезапно ворвалась в спальню Цинъяня. В тот день, когда она пришла, я стоя на коленях, чтобы отсосать Цинъяню. Он опустил глаза и мечтательно уставился на меня, схватив обеими руками мои волосы... С тех пор, как мы начали свои отношения, мы неистово играли в постели. Хотя я был не омегой и не мог выделять жидкости, все еще оставаясь альфой, я быстро восстанавливался и мог выдержать пытки. Мы перепробовали почти все. Возможно, я также хотел поблагодарить ее за то, что она это увидела. Эта сцена была лучше, чем самые безумные из предыдущих, по крайней мере, она привлекала больше внимания.

Я никогда не забыл бы выражение шока, отвращения и злости на ее лице.

Обычно спокойная женщина подбежала и отвесила нам обеим звонкую пощечину, прежде чем Цинъянь успел среагировать.

Цинъянь была шокирован, смущен и рассержен.

— Мама?! — как будто этого было недостаточно, он притянул меня к себе за спину и серьезно сказал. — Мне действительно нравится брат Гуань, дай нам быть вместе.

Я часто говорил ему, что его мать не должна знать о наших отношениях. Он хорошо знал характер своей матери и всегда думал, что меня волнует отношение его матери только потому, что мы оба альфы.

У меня защемило сердце, я поднял голову и посмотрел в ее глаза из-за спины Цинъяня.

Она слегка задыхалась, но ее глаза были красными. Она никак не отреагировала на слова Цинъяня, просто пристально смотрела на меня.

В ее глазах было неопишное разочарование и ненависть.

Она, должно быть, ненавидела меня за то, что я затащил его в ад, несмотря на то, что знал о состоянии Цинъяня.

Однако я уже давно был готов жить и умереть с Циньянем.

Она не стала слушать наши объяснения. Она сразу позвонила семье Гуань. Мои родители, которые всегда были строгими и дисциплинированными, были особенно разгневаны. Они считали, что мой эгоизм вредит жизни других людей. При ее содействии в течение нескольких дней было принято решение отправить меня за границу.

Циньяню сделали укол и заперли дома, так совпало, что его расстройство снова обострилось... Мать Цзи наняла врача и каждый день оставалась с ним дома. Мне также было приказано не выходить из дома перед поездкой за границу. Те дни были слишком мрачными и угнетающими. Мне не терпелось узнать о положении Циньяня, но никто не хотел мне рассказывать вплоть до того дня, когда меня посадили в самолет.

Я все еще не видел Циньянь, но ждал, пока не увижу его мать.

Рядом с ней также стоял бета-мужчина в официальной одежде.

Я пристально посмотрел на нее. В ее глазах все еще была ненависть, но ее тон был спокойным:

— Положение Циньяня очень тяжелое.

Мои глаза внезапно широко раскрылись, мое тело неудержимо задрожало, и я с тревогой сказал:

— Он...

— Доктор Му выпустил свои феромоны, вызывающие маниакальное возбуждение, и прибор обнаружил, что твои феромоны действительно могут оказывать успокаивающее действие. Хотя это и не может вылечить его болезнь, но может отсрочить ее. Поэтому, чтобы помочь Циньяню, прежде чем ты уйдешь, нам нужно извлечь немного твоей феромонной сыворотки.

Она знала, что я не откажусь.

Я лег, и врач взял у меня кровь на анализ. Несмотря на то, что я был альфой, от взятия большого количества крови у меня кружилась голова, когда я встал. Мои губы были бледными, и я спросил ее с намеком на смутную надежду:

— Я ухожу. Если Циньянь все еще нуждается в моем...

— Это только временно, мы ищем другой способ. — перебила меня она, добавив еще одно предложение, словно желая развеять мою надежду. — Циньянь найдет омегу, которая ему понравится, и проживет свою жизнь в безопасности.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14304/1266035>